

Губаев Герман Артурович
Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Понятие соучастия в уголовном праве

Аннотация. В статье рассматривается понятие соучастия в уголовном праве России. Автор приходит к выводу о том, что совместное совершение преступления – это не один из признаков, выделяемых в понятии соучастия в общем ряду с другими, количественными и качественными признаками, а родовое понятие, по отношению к которому соучастие выступает как видовое

Ключевые слова: соучастие, преступление, умысел, неосторожность.

В ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. На основании этого определения в юридической литературе выделяют в соучастии две группы признаков. К первой относят объективные признаки, обычно говорят о количественном (совершение деяние двумя или более лицами) и качественном (совместность участия в совершении единого преступления) признаках. По поводу второй группы (субъективных признаков) мнения авторов расходятся: одни ограничиваются указанием на признак умышленности совершаемого преступления, другие вслед за законодателем различают в качестве отдельных признаков «умышленность совершаемого преступления» и «умышленность участия» в совершении такого преступления.

Разные точки зрения высказываются и при характеристике признака совместности: в узком смысле он отражает особенности лишь объективной стороны преступления, совершаемого в соучастии, а в широком – еще и специфику субъективной стороны совершенного в соучастии преступления.

Примечательно, что эти подходы объединяет не только то, что совместность в них наделяется статусом признака понятия соучастия и рассматривается в одном ряду с другими признаками, но и то, что в обоих случаях остается открытым вопрос о родовой специфике понятия соучастия. Между тем правила конструирования дефиниции любого понятия (если она состоит из указания на род и видовые отличия) требуют определенности первоначально в родовой принадлежности понятия и только затем – в его видовых отличиях (признаках).

В свое время достаточно однозначно по данному вопросу высказался Н.С. Таганцев. Он считал необходимым рассматривать соучастие как один из возможных видов «стечения» преступников и отличал его от всех других видов в связи с тем, что при соучастии, с одной стороны, вместо личной ответственности каждого из воссоединившихся лиц за учиненное ими наступает ответственность каждого за общее дело в полном объеме, а с другой – общие положения о причинной связи существенно изменяются при наличии соучастия [1]. Однако в последующем в учении о соучастии термин «стечение» широкого распространения не получил. При этом большинство ученых при характеристике соучастия стали ориентироваться на его дефиницию, закрепленную в уголовном законе, нередко ограничиваясь признанием соучастия одной из форм совершения преступления либо, например, рассматривая соучастие в качестве разновидности действий и определяя его как «совместные, умышленные действия, представляющие собой совершение одного и того же преступления с разделением или без деления ролей (соисполнительство или соучастие в узком смысле слова)» [2].

Несколько иное решение вопроса было предложено Р.Р. Галиакбаровым, по мнению которого через призму учения о соучастии нельзя решить все возникающие проблемы неосторожного сопричинения преступного результата усилиями нескольких лиц, а также объективного группового исполнения посягательства, когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невиновного действующего лица, не подлежащего уголовной ответственности [3]. С учетом

в том числе этих соображений автор сделал вывод о целесообразности рассмотрения соучастия в качестве структурного элемента института множественности, в частности его блока, охватывающего различные виды стечения нескольких лиц в одном преступлении.

Существование нерешаемых или трудно решаемых в рамках учения о соучастии проблем, возникающих при рассмотрении преступления, совершенного с участием нескольких лиц, сомнений не вызывает. На наш взгляд, вряд ли правильно в качестве более общего, чем соучастие, понятия в настоящее время рассматривать устаревший термин «стечение» или понятие множественности субъектов преступления (многосубъектность преступления). Конечно, с некоторой долей условности все преступления можно подразделить на две группы: совершенные в одиночку, одним субъектом и совершенные несколькими лицами, множеством субъектов. Однако о совершении преступления несколькими лицами или субъектами речь может идти лишь при условии совершения ими преступления совместно. Поскольку и иные выделяемые ныне в понятии соучастия признаки не могут рассматриваться вне связи с совместностью участия в совершении преступления, то напрашивается вывод: соучастие есть только одна из разновидностей (форм) совместного совершения преступления. Но если это так, то вопреки сложившемуся мнению совместность совершения преступления следует рассматривать как родовое понятие, по отношению к которому соучастие выступает как видовое понятие, имеющее, с одной стороны, общие, а с другой – специфические по сравнению с иными видами совместного совершения преступления признаки.

Действительно, характеризуя понятие соучастия как вид (форму) совместного совершения преступления, нужно принять во внимание прежде всего то, что любая совместная деятельность мыслится лишь постольку, поскольку она, в отличие от действий одиночки, осуществляется не одним, а несколькими лицами. В связи с этим часто декларируемый в юридической литературе тезис о самостоятельной значимости признаков «совершение преступления двумя или более лицами» и «совместность участия» не может

считаться обоснованным, поскольку логически допускает возможность участия в совершении преступления двух или более лиц при отсутствии совместности их деятельности, а также совместной деятельности без признака участия в ней двух или более лиц. Между тем одно без другого не существует: отсутствие совместности дает основание говорить о совершении одного преступления не двумя или более лицами, а отдельно действующими лицами, что далеко не одно и то же; отсутствие двух или более лиц исключает возможность признания преступления совместно совершенным.

Если говорить о количественной характеристике участников совместно совершаемого преступления и преступления, совершаемого в соучастии, то применительно к последнему ни о какой специфике речь идти не должна, поскольку согласно ст. 32 УК РФ соучастие предполагает участие двух или более лиц, т.е. любое множество участников. Сложнее решается вопрос об их качественной специфике. К сожалению, законодатель не уточняет, кого он подразумевает под термином «лица»: только вменяемых, достигших к моменту совершения преступления требуемого для привлечения к уголовной ответственности возраста, одним словом, субъектов преступления, либо и тех, кто в силу невменяемости или недостижения требуемого минимального возраста не может нести уголовную ответственность, потому что не может быть субъектом преступления.

Большинство представителей теории уголовного права на этот вопрос отвечают однозначно: соучастие невозможно тогда, когда одно из участвующих в преступлении лиц обладает, а другое не обладает всеми обязательными признаками субъекта преступления. В связи с этим в уголовно-правовой науке не признается наличие соучастия при так называемом посредственном причинении вреда: если преступный замысел осуществляется чужими руками, т.е. «подговоривший ребенка поджечь дом, давший умалишенному нож, которым тот учинил убийство, являются с точки зрения уголовного права единственными виновниками поджога или убийства» (Н.С. Таганцев). Аналогично решается вопрос и применительно к преступлениям, совершаемым

лицом, способным нести уголовную ответственность, совместно с невменяемым или малолетним.

Как и всякий иной вид совместного совершения преступления, соучастие возможно только тогда, когда имеет место сопричинение вреда двумя или более лицами. В сущности, именно это в основном и имеется в виду в юридической литературе, когда совместность признается одним из объективных признаков соучастия и когда ее проявление усматривается в наличии: 1) определенной взаимообусловленности (взаимозависимости) между действиями соучастников; 2) единого преступного результата, вменяемого каждому соучастнику; 3) причинной связи между деянием соучастника и общим преступным результатом.

Первое и второе положения серьезных разногласий среди ученых не вызывают. Иначе обстоит дело с третьей позицией. Решая вопрос о причинной связи между действиями отдельного соучастника и общим преступным результатом, большинство авторов исходят из тезиса о том, что деяния каждого соучастника должны не просто служить условием наступления общих преступных последствий, а быть с ними в причинной связи. Однако особенности этой связи раскрываются по-разному. Так, М.И. Ковалев утверждал, что при соучастии преступный результат вызывается действиями лишь исполнителя, но нельзя говорить о том, что только его действия находятся в причинной связи с результатом. «Причиной наступления преступных последствий при преступлениях, совершаемых в соучастии, служит совместная деятельность всех соучастников. Действия каждого соучастника представляют собой лишь отдельный фактор, который наряду с другими и составляет причину». При таком подходе сопричинение вреда при соучастии в преступлении означает, что единый преступный результат деятельности нескольких лиц есть следствие не отдельного деяния, совершаемого каждым соучастником, а совместно ими совершенного деяния.

В юридической литературе высказаны и иные мнения о специфике причинной связи при соучастии. Например, в одном из курсов советского

уголовного права А.А. Пионтковский утверждал, что для уголовной ответственности каждого соучастника необходимо установить, что он содействовал чем-либо исполнителю в совершении преступления: «В результате содействия, оказанного соучастником исполнителю преступления, создается объективная причинная связь между деятельностью соучастника и совершенным исполнителем преступлением». Обратим внимание на то, что в данной интерпретации действия соучастников рассматриваются как причина, а совершение исполнителем преступления – как следствие. По сути дела, аналогичную позицию занимают авторы, утверждающие, что поведение каждого соучастника является причиной для выполнения другим соучастником его части действий (акта бездействия), при отсутствии причинной связи между деяниями лиц признается отсутствие соучастия (Л.В. Иногамова-Хегай).

От приведенных точек зрения на специфику причинной связи при соучастии в преступлении отличается позиция, сторонники которой характеризуют эту связь как связь между единым преступным результатом и деянием каждого соучастника; иногда ее называют прямой для исполнителей (соисполнителей) и опосредованной для других соучастников, поскольку их действия влияют на преступный результат через деятельность исполнителя [4]. Л.Д. Ермакова полагает, что суд должен устанавливать причинную связь не только между действиями исполнителя и общественно опасными последствиями (как в преступлении, совершаемом одним лицом), но и между деяниями подстрекателя, организатора, пособника, действующих вне рамок признаков состава преступления (не исполняющих объективную сторону преступления), с одной стороны и действиями исполнителя – с другой.

Несмотря на различия в понимании специфики причинной связи при соучастии, бесспорно, что данный вопрос не может решаться за рамками понятия совместного совершения преступления и что именно этим соучастие должно отличаться от иных форм (видов) прикосновенности к преступлению.

Как следует из ст. 32 УК РФ, соучастие возможно только при совершении умышленного преступления. Ранее действовавшее уголовное законодательство

в этом отношении не было столь однозначным, в связи с чем в теории уголовного права высказывались мнения о возможности признания соучастием неосторожного сопричинения вреда. В настоящее время законодатель не дает оснований для такого предположения. Однако УК РФ по-прежнему оставляет открытым вопрос о виде умысла, с которым могут действовать соучастники. В юридической литературе есть немало сторонников точки зрения, согласно которой соучастие признается только в преступлениях, совершаемых с прямым умыслом (Ф.Г. Бурчак, М.И. Ковалев, А.И. Рарог, Н.К. Семернева и др.). В обоснование приводятся разные аргументы, в том числе ссылка на то, что при соучастии всегда предполагается определенное рода соглашение, которое не обязательно должно быть предварительным.

Для квалификации содеянного в качестве соучастия в преступлении не обязательно наличие определенных целей или мотивов совместной деятельности. Однако на практике нередко совершаются несколькими лицами такие преступления, вменение которых требует установления целей или мотивов, указанных в статье Особенной части УК РФ. При их совпадении с внутренними побуждениями каждого из соучастников (например, при хищении) сложностей в уголовно-правовой оценке содеянного не возникает. Но каким образом должно квалифицироваться совместное причинение вреда лицами, цели и мотивы которых не совпадают? В юридической литературе решение данного вопроса ставится в зависимость от осведомленности соучастников относительно целей и мотивов преступления, совершению которого они содействовали. При отсутствии такой осведомленности действия соучастников квалифицируются исходя из целей и мотивов каждого.

© Предусмотрев в ст. 32 УК РФ в понятии соучастия признак «совершение умышленного преступления», законодатель сохранил и такой ранее выделявшийся признак, как «умышленное участие». Иное решение вопроса в конце 80-х гг. прошлого века предлагалось разработчиками научной концепции перспективного развития уголовного права. Отмечая некорректность конструирования умысла на основе лишь психического отношения к деянию,

они пришли к выводу о целесообразности замены признака «умышленное участие» на признак «совершение умышленного преступления».

Тот факт, что законодатель в определении соучастия указал оба признака, дает основание считать, что, по мнению законодателя, психическое отношение соучастника при совместном совершении преступления не укладывается в рамки традиционных представлений о признаках умышленно совершенного преступления. Помимо интеллектуального и волевого отношения к деянию и его последствиям для соучастия необходимо также установить, охватывался ли умыслом одного лица факт участия в совместно совершаемом преступлении другого лица или других лиц. Признак «умышленность участия» предполагает как минимум наличие у соучастника сознания того, что он действует не один. Но достаточно ли этого для понятия соучастия? Возникают и другие вопросы: должен ли каждый соучастник быть осведомлен о наличии других участников и если да, то в каком объеме; требуется ли помимо осведомленности согласованность действий соучастников и т. д.

Проблема осведомленности соучастников друг о друге не исчерпывает характеристики умышленности участия, есть и другой важный вопрос: о согласованности действий соучастников. По нашему мнению, в той или иной форме такая согласованность должна иметь место при любом соучастии, но она не обязательно должна выражаться в предварительном сговоре и в обсуждении всех деталей совместно совершаемого преступления. Именно согласованность определяет границы того, что охватывается умыслом соучастников, она оказывается в центре внимания всякий раз, когда идет речь об эксцессе исполнителя, под которым в ст. 36 УК РФ понимается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. К сожалению, устанавливая правило о том, что за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не несут, законодатель не делает различий между так называемым качественным и количественным эксцессами. Количественный эксцесс состоит в том, что исполнитель совершает преступление, однородное с задуманным остальными

соучастниками, но менее тяжкое либо более тяжкое, чем было намечено. При качественном эксцессе исполнитель совершает неоднородное преступление. В подобных случаях исполнитель отвечает за фактически им совершенное преступление. Другие же соучастники должны нести уголовную ответственность за приготовление к тому преступлению, которое охватывалось их умыслом, при условии, что это преступление относится к тяжким или особо тяжким. Применение правила о стадиях развития преступления (а не о соучастии) обусловлено тем, что между совершенным исполнителем преступлением и тем, которое планировали совершить соучастники, нет причинно-следственной связи. В подавляющем большинстве случаев эксцесс исполнителя совершается умышленно, хотя в ряде случаев возможна и неосторожность. За неосторожное преступление ответственность наступает лишь для его исполнителя.

Завершая характеристику соучастия как одного из видов совместного причинения вреда, можно констатировать, что сопричинение вреда несколькими лицами свойственно любому виду совместного совершения преступления; от других видов совместного совершения преступления соучастие отличается, во-первых, умышленным совершением совместного преступления и, во-вторых, умышленным участием в таком преступлении.

Литература

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 2004.
2. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 2009.
3. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980.
4. Уголовное право. Общая часть. Тюмень, 2006.